

Рубцова Татьяна

Знахарка

18+

Татьяна Александровна Рубцова

Знахарка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60939242

SelfPub; 2020

Аннотация

Произошла трагедия. Потеряв ребенка, женщина поняла, что сходит с ума. И единственный человек, кто в это время оказался рядом с ней – это женщина-гадалка, которая пообещала...

...Детская сияла новизной. Пахло хвоей...

И тут заиграл воздушный менуэт Моцарта.

По привычке просыпаясь, Ольга не могла понять, как во сне мог присутствовать запах хвои. Но запах был, наполняя ноздри и грудь.

Нащупав на тумбочке мобильный телефон и отключая рингтон, Ольга свернулась в постели клубком.

Впереди ждали тысячи дел. Садясь и потягиваясь, она посмотрела по телефону время, зевнула и встряхнула головой.

Запах хвои не исчезал.

Ольга принюхалась. Вчера она купила пробник духов «Guerlain Mon Guerlain» с ароматом жасмина. Новинка только два дня назад появилась в продаже и тут же стала модной. Но ведь жасмин – не хвоя.

Ольга была по природе своей «нюхач» и часто полагалась на обоняние больше, чем на остальные свои чувства. Запах хвои она не любила, даже в новогоднюю ночь.

Ольга отважно сбросила с себя одеяло, встала, потянулась, становясь на цыпочки и вытягиваясь в струнку, встряхнулась, покрутила головой так, что ее белокурые от рождения волосы образовали над ней нимб, потом повела плечами. Считая, что на этом разминка закончена, сошла с ворсистого коврика и всунула ноги в тапочки.

После развода бывший муж оставил свою трехкомнатную квартиру им с дочкой, а сам снимал однокомнатную – тут же, в Дегунино. Хотя не выписался. Это немножко беспоко-

ило Ольгу. И она планировала даже проконсультироваться у юриста. Пока же ее никто не тревожил. Поэтому и с миром, и с собой она пребывала в самых лучших отношениях.

Утреннее время неумолимо. Машины у Ольги не было, и следовало спешить, чтобы успеть забросить шестилетнюю Аришу в садик.

Она сделала «широкий жест» и, так как хорошо зарабатывала на телевидении. – отказалась от алиментов. Муж сделал тоже «широкий жест» и взял на себя оплату для дочери частного садика и, впоследствии, школы. Он тоже работал на ТВ и тоже зарабатывал очень неплохо. Он даже хотел сам возить ее. Ольга тогда сделала очередной «широкий жест» и отказалась от этого. И в результате: если ей нужно было добираться до работы всего полчаса, то до садика – ехать две станции на метро и три остановки – на автобусе.

Зато: чистый воздух, лес, вода – экология.

– Ариша, солнышко моё!

Солнышко светило из-под одеяла только копной таких же белокурых, как у матери, волос.

– Ну-ка, поднимайся. Светит солнышко в окно, в детский сад идти пора... и та-та-та.

– Нет, – голос девочки звучал из-под одеяла вполне не сонно.

– Пора, пора, – мать сдернула одеяло.

– Солнца нет: тучи и дождь.

– Ты откуда знаешь?

– Я выглядывала.

– Ах, лисичка, – Ольга схватила дочь и, целуя ее, ради экономии времени, на ходу, почти побежала к ванной.

Переноска тяжестей, с первого после родов дня, закалили ее, и если раньше она считала пять килограмм непосильной ношей, то сейчас семнадцать – казались ей игрушкой. На разумном, конечно, расстоянии.

– Живо, лисичка, умываться и чистить зубы. Мы опаздываем.

– Мы всегда опаздываем.

– Надо спешить.

– Тогда не буду чистить зубы.

– Это еще почему?

– Чтобы быстрее спешить.

– Чистить зубы необходимо для здоровья.

– Тогда не буду умываться.

– Это личная гигиена. Помнишь: неумытым трубочистам стыд и срам.

– Не помню.

– Помнишь, – Ольга постепенно повышала голос как в музыке: фортиссимо, еще фортиссимо.

– Не хочу умываться, вода мокрая.

– Сухой воды не бывает.

– Не хочу чистить зубы.

– Ты обязана!

– Тогда не хочу спешить. И будь добра, не ори на меня

больше с утра пораньше.

Ольга даже застыла со щеткой во рту. Дочь ее с самого раннего детства не училась просто говорить. Она училась говорить так, как даже взрослым не придет в голову. Супер-детки могли отдыхать рядом с ней – настоящий ребенок цвета индиго.

Выход с таким ребенком был один – физическое давление.

Ладонь, полная теплой воды, быстро соприкасается с детской мордашкой, и та вмиг становится такой растерянной и сияющей одновременно, что мать не удерживается, смеется, целует ее и прижимает к себе.

За этот смех и ласку дочь прощает матери насилие. Мир восстанавливается. Зубы малышка чистит уже сама, олицетворяя собой позднее послушание и раскаяние.

Завтракают они душа в душу. Ольга никогда не была сторонницей насильственного впихивания в ребенка энного количества белков, жиров, минералов и витаминов. Дочь получила на завтрак любимую колбасу с какао, шоколадный крем и банан. К счастью, диатеза у нее не было.

Но когда пришло время одеваться, началось несусветное.

Ариша прыгала с колготками в руках, орала, не желая надевать теплый свитер, а когда Ольга начала собираться сама, решила примерить на себя материн дождевик.

Это было затишье. Девочка мирно шелестела тафкетой в зале, а Ольга в своей комнате натягивала перед трюмо эластичные колготки: всегда трудное и ответственное дело.

Она согнулась к коленкам, стараясь, чтобы капрон с лайкрой, плотнее облегал икры. И вдруг от ее ноги отделилось нечто того же цвета и взмахом взлетело вверх.

Ольга едва удержалась от вскрика, обернулась и рассмеялась.

Ариша сидела позади нее на корточках и махала уже обеими руками.

– Страшно, мама, страшно? Скажи, что страшно? Как в «Доме страха», да?

Девочка вскочила, утонула в материнном дождевике и запрыгала с воплями черепашек-ниндзя, всех четырёх в одном лице.

– Давай-давай, Ариша, собирайся!

– У-о-у!

Детская ручонка высунулась из всей теплой одежды, появилась у Ольгиного локтя. И маленькая кисть забилась, заплескалась в воздухе.

– У-о-у!

– Господи, Ариша! Мы же опоздаем.

– У-о-у!

И девочка умчалась.

Ольга торопливо закончила одеваться, пользуясь передышкой. Теперь оставалось навести макияж. Ольга, не глядя, потянулась рукой к косметичке.

Маленькая рука с растопыренными пальцами устремилась ей навстречу.

– У-о-у!

Это конечно было не похоже ни на «Мумию», на «Паука», но Ольга вскрикнула от неожиданности. Что-то страшное словно захлестнуло ее. В ярости она вскочила и схватила дочь под мышки.

– Сколько ты будешь меня мучить, сколько ты будешь не слушаться меня! – тряся дочь, повторяла она и, быстро повернув молчавшую девочку, пару раз шлепнула по тому месту, где под дождевиком угадывалась попка.

Рев, не менее яростный, чем ее вспышка, заполнил комнату под потолок.

– Все, ты меня не любишь! – орала Ариша, и злые слюни летели от нее в разные стороны. – Лучше мне умереть! Лучше отдай меня папе, чем так истязать!

– Замолчи!

– Зачем ты меня родила!

– О, Господи! Да по ошибке!

– Что?! Тогда убей меня!

Девочка вырвалась, бросилась вон из маминой спальни, влетела в детскую и закрыла дверь, рыдая и прижимая дверь своим телом.

– Ариша, – Ольга уже жалела о своей вспышке. – Аришка.

Рев и причитания, приглушенные дверью, были ей ответом.

– Арина!

За дверью притихли.

– Доченька.

В ответ – тишина.

– Ну, миленькая, солнышко.

– Да, сперва «зачем родила», а теперь – солнышко! Так ты – значит?

Голос дрожал от праведной обиды.

– Ну... ну... я погорячилась.

– А зачем родила? Ты сказала – по ошибке.

– Ну не выводи.

– По ошибке... ошибочка, да, значит?

– Ну, Ариночка, родненькая. Если твоя мама опоздает на работу, твою маму уволят.

– Вот и хорошо. В садик ходить значит будет не надо.

– Глупости. А кормить нас кто станет?

– Папу домой вернешь.

– Что? Где ты этого нахваталась?

– Знаю, я не маленькая.

– А вот и маленькая.

– Я взрослая!

– О, Господи.

Ольга с силой толкнула дверь, и та открылась. А Ариша, посторонившись, смотрела на мать, сумрачно, как грозное небо.

– Ну извини, ладно? Давай мириться, – Ольга наклонилась над дочерью. – Мир?

– Война.

– Ну. Родненькая...

– Не подлизывайся. С тебя штраф. Я тебе эти твои слова никогда не забуду.

– Какие слова?

– Что родила по ошибке. Я думала – я желанная.

– О, Господи! Да конечно! Я знаешь, как тебя ждала.

– Знаю. Вон – детдома переполнены таких желанных, – голос девочки дрогнул от жалости к себе.

– Маленькая моя!

Ольга порывисто схватила надутую дочь и стала ее сильно обнимать и целовать.

Та отворачивалась, пыхтела и наконец, оттолкнувшись от матери, проговорила:

– Ладно уж, давай мириться, пока я добрая... Мирись, мирись и больше не дерись...

– Если будешь драться, я буду кусаться, – закончила мать.

И они, соприкоснувшись лбами, рассмеялись.

– А штраф тебе – торт. «Полено».

– Принято. Ну, поехали?

– Поехали. Как он мне осточертел, этот садик.

– Мне – тоже.

– Может бросим?

– Нельзя. Мне же на работу...

– Слышала уже. Не хочешь папу, так найди себе другого, нового. Все так делают. И работать потом не приходится.

– Что за чушь. И кто нам с тобой нужен?

– Никто. Нам просто деньги нужны и побольше.

– Ну и разговоры. И кто тебя этому учит?

– Жизнь.

Ольга в это время, за разговорами, быстро одевала девочку: розовая курточка, малиновые ботинки. А та даже не сопротивлялась, увлекшись.

– Вон, Нинкина мама нашла себе Денежный Мешок, и Нинка больше в садик не ходит. Мам, а где их находят, Денежные Мешки? А если деньги взять, а Мешок снова потерять, так можно? А то Ирка говорит, что нельзя. Может можно все-таки? Или нет? Если его потеряешь, что он, деньги назад заберет, что ли?

Так они выскочили из дома, заперли все замки, побежали к метро, и все же не решили самый большой вопрос современной жизни.

В вагоне электрички Ариша притихла, потому что была девочкой воспитанной и знала, когда можно говорить, а когда – нет.

В вагоне было много народа, ребенку было неудобно. И Ольга старалась придерживать дочку, в который раз обещая себе перевести ее в другой садик, поближе, но до школы оставалось всего пять месяцев, и отрывать ребенка от привычной среды не хотелось.

В автобусе им повезло больше, они стояли возле окна, и Ариша могла смотреть через стекло на обгоняющие их машины.

«Это как папина, – думала она. – Это, как Иришина».

И девочка мечтала, что, когда вырастет, у нее будет тоже своя машина: поярче и покрасивее.

Автобус проехал три остановки. Люди толкались, продвигаясь вперед. Наконец Ольга, подталкивая Аришу перед собой, миновала турникет и спустилась по ступенькам вниз.

Как хорошо было на воле. Здесь гулял ветер, сгибая голые ветви деревьев и кустов. Дождь перестал, и Ольга не стала доставать из сумочки ни свой зонт, ни дочкин, а просто натянула Арише шапочку пониже на уши, а себе подняла воротник.

Летом эта местность утопала в зелени, создавалась иллюзия дикой природы. Но сейчас все вокруг было сыро, грязно, и позабытые весной остатки снега у стволов упорно не таяли: серые и пористые, они походили на самую старость – надоели всем и были в тягость даже себе, мечтая, наверное, снова стать водой, вознестись в небо и слиться с дождем.

Здание садика, отреставрированное в соответствии с современным дизайном, неестественно светилось стеклом и пластиком. Летом, увитое плющом, оно так не бросалось в глаза, как сейчас, посреди этой серости. И высокий решетчатый забор, и открытая калитка в нем – все только подчеркивали грусть и уныние. Казалось даже, что снова пришла осень.

Ольга чувствовала осень душой так же явно, как запах хвои, снова повеявший на нее от этого здания.

Она, не задумываясь, достала из кармана куртки телефон и посмотрела время: доходило девять. Она опаздывала. Раздраженная, она тянула дочь за собой.

Ее обогнала машина. Такси. Даже со своей зарплатой, Ольга могла себе позволить такси только иногда, когда страшно спешила и могла потерять гораздо больше, чем плата по счетчику.

Сейчас был как раз такой случай. Она опаздывала по-настоящему.

Ольга не была теледивой, у нее не было своей передачи, и она не могла позволить роскошь конфликтовать с руководством канала.

Тяня дочь за руку, она подбежала к машине, когда из нее выходила женщина с трехлетней девочкой.

Ольга наклонилась к окошку водителя и спросила:

– Свободны?

– Да. Куда везти?

– Останкино.

– Поехали.

– Подождите немного.

Водитель с готовностью согласился и включил счетчик.

– Бежим скорее, видишь, как повезло, – Ольга потащила за руку Аришу.

И та начала упрямо упираться.

– Мама.

– Ну? – Ольга остановилась, оглянулась на такси. Машина

как раз разворачивалась. – Сама добежишь?

– Ты меня не поцеловала.

– Ладно, – Ольга отчужденно, по-уличному, коснулась холодной щечки крашенными губами, но Ариша вытянула губки.

– Сюда.

Ольга коснулась и губок.

– Накрасила?

– Нет. Эта не красит. Все, беги, я посмотрю. Счастливо.

– И тебе.

– Скорее! Я опаздываю.

Ариша взмахнула ручкой и побежала. Бубенчики на ее шапочке подпрыгивали в такт.

Такси остановилось за спиной Ольги, и та повернулась к машине.

Тут сзади нее завизжали тормоза, раздался резкий шум – и водитель такси стал торопливо открывать дверцу со своей стороны.

Как замороженная, Ольга не оборачивалась.

– Смотрите, сзади, – кричал таксист, неуклюже вылезая. – Смотрите! Нет, не смотрите, не надо!

Но Ольга уже поворачивалась. Делала она это бесконечно долго, как во сне.

Синий «БМВ» стоял, упираясь помятым носом в фонарный столб. А на обочине, возле самой калитки лежала, раскинув руки, девочка в розовой курточке.

– Нет!!! – закричал пронзительный женский голос. – Нет!!!!

А Ольга не могла понять, кто это кричит.

Все остальное было, как во сне. Детская комната, чистая и светлая, просто сияла новизной. И запах хвои наполнял ее: вечный, навязчивый и мертвый.

Ольга оставалась замороженной. За это время от нее не услышали и одной связной фразы. Разум женщины был словно не здесь. Конечно она плакала, тихо, без рыданий и слов, держала в руке нервно скомканный платок, вытирала посеревшее, с нездоровыми прожилками, лицо. И никого не замечала вокруг.

Конечно, у нее были друзья, женщины и мужчины, с работы, соседи, старые знакомые, узнавшие о несчастье из СМИ. Как же, в аварии погибла маленькая дочка известного тележурналиста Андрея Гридина – эта новость обошла все газеты.

Люди приходили, уходили, кто-то оставался, кто-то помогал... и тоже уходил потом.

Что-то говорил Андрей. Она даже не слышала, не вникала, не понимала. Чувства ее умерли. Умерла она сама.

Испуганные ее видом люди спешили уйти. Андрей сам сильно переживал гибель дочери, но и он незаметно исчез. Все исчезали, словно бредовый сон.

Ольга не понимала ничего.

Сколько прошло времени? Минуты? Часы? Недели?

Ольга не отдавала себе отчет.

Очнулась она одна, в комнате перед телевизором. Там шел американский фильм, что-то фантастическое. Мальчик-робот хотел стать человеком, чтобы мама полюбила его.

И тут Ольга впервые разрыдалась, горько, в голос.

Проплакала она весь фильм, сначала в кресле, потом лежа ничком – на диване. И горе ее выливалось наружу со слезами.

Ей было плевать, как она выглядит, как живет. В мире существовали только она и тот мальчик на экране, призрачный, не настоящий.

Так она и задремала, вся в слезах и с ноющей болью в сердце.

Когда же она проснулась, то почувствовала, что может и даже должна ехать на работу.

А поднявшись, она впервые за все время взглянула в зеркало.

Нет, она не ужаснулась, а просто и равнодушно взялась за косметичку, делая это скорее по привычке, чем осознанно.

На работе, как всегда, было шумно. Ольга немного опоздала. Ей ничего не сказали. Люди громко разговаривали, но при ее приближении растерянно замолкали. Безносая старуха с косой словно оставила на ней свою тень. Окружающим людям казалось, что они сочувствуют ей и не хотят навязываться.

ваться, но на самом деле они бежали от нее из страха перед смертью.

Ольга ходила с бумагами, сидела за компьютером, и все-таки она была не здесь, оживляясь лишь временами, словно просыпаясь.

Андрей Гридин вел аналитическую передачу на Первом Канале, говорил о психологии и политике, он был первый, кто сумел объединить две этих темы, а Ольга отвечала у него за подбор материалов.

Она отчужденно листала скрепленную подшивку, когда ее бывший муж вошел в кабинет.

– Привет, милая, – стараясь говорить бодро, начал он. – Я рад, что ты пришла. Я звонил тебе. Но, очевидно, ты...

– Вот данные по губернатору Самары, – не стараясь перебить, а просто не слыша, проговорила Ольга, потому что именно в эту минуту нашла все, что искала. – Тут за два года.

– Спасибо. Я подумал, милая, может нам с тобой вместе поужинать сегодня?

Ольга равнодушно отвернулась, перебирая другие папки.

– Родная моя, давай начнем все с начала. Мы же не чужие друг другу.

Ольга отрицательно покачала головой. У нее получалось плакать без рыданий и вздрагиваний. Слезы просто лились из ее глаз.

Гридин легонько обхватил ее плечи:

– Ну, Оленька...

– Уйди.

Ольга едва произнесла это слово. Губы ее прыгали.

– Олечка, миленькая.

Ольга вырвалась резким движением и, повернувшись, пробежала мимо Андрея через всю комнату и выскочила в дверь.

Гридин растерянно застыл, даже не делая движения, чтобы догнать. Просто смотрел беспомощно вслед.

Лицо Ольги напугало Андрея. Было в нем что-то, что потом, когда он пытался вспомнить и понять, казалось ему чернотой. Черное лицо. Именно так. И первобытный страх перед смертью и горем обездвижил его тело.

Дальше от слабости и болезни, – так говорил запрятанный глубоко в подсознание древний инстинкт, записанный где-то в цепочке ДНК. Слабый гибнет, соприкоснувшийся со смертью – умирает сам.

И Гридин не смог пересилить себя.

Причиной его развода с Ольгой было временной увлечение (или помрачение?) Нелей Стриженовой, преуспевающей дикторшей Первого канала. Стриженова была из тех людей, кто может только разрушать. Когда она убедилась, что очередная счастливая семья рухнула, она потеряла всякий интерес к Гридину и переключилась на его оператора, у которого только что родилась двойня.

Сам Гридин тоже постепенно остыл и понял, что потерял все, а не нашел ничего. Постепенно Стриженова бросила и

оператора, оставив при этом близнецов без папы, а его – без семьи. Она была в вечном поиске.

Ольга же не замечала никого.

Они познакомились в телестудии, когда Ольга не прошла кастинг на ведущую новой программы. Она работала на радио, вела «Доброе утро» на местном канале. Андрей пригласил ее пообедать, а потом предложил работу. Он даже попытался сделать ее соведущей, но ничего не получилось, и они, с обоюдного согласия, больше не повторяли этот опыт. Ольга не была создана для телевидения, быстро поняла это и больше не пыталась идти поперек судьбы. Хотя – сколько таких ежедневно красуются на экране.

Андрей оценил по достоинству такое проявление рассудительности и предложил ей, вместо того, чтобы стать ведущей, стать женой журналиста с приставкой «теле». Он любовался ею, наслаждался её обществом, а сейчас, потеряв, понял, как сильно он любил.

Ольга же просто сначала привыкла к нему, потом полюбила, вышла замуж, родила и готова была простить измену себе, но измену погибшей дочери простить не смогла.

Она выскочила в коридор и побежала, сама не зная, куда и зачем. В руках у нее были бумаги. Она остановилась, собрала их в одну руку, и второй стала доставать из кармана брюк сигареты. Но пачка осталась в сумочке, при ней оказалась только зажигалка. Ольга зажала ее в руке, чуть не рыдая.

– Дай прикурить...

Ольга обернулась. Толик из монтажной стоял перед ней с сигаретой.

Ольга, отворачиваясь, протянула зажигалку.

– Спасибо малыш. Есть проблемы?

– Дай сигаретку. Мои в кабинете.

– Пожалуйста. У тебя какой-то растерянный вид. Ты «Армаду» куришь?

– Пойдет, – Ольга немного успокоилась, взяла сигарету и даже повернулась к нему лицом. Когда закуривала.

– Если тебе что-то нужно, малыш, не стесняйся.

– Спасибо.

– Кстати, тебя ищет Светличка, час назад звонила к Тэ-эНу.

– Спасибо, я разыщу его.

– Да позвони ей сама. Говорю же, она с тобой хочет говорить.

– Хорошо, спасибо.

Ольга отошла к окну, чувствуя спиной, что Толик на нее смотрит. Вот он сдвинулся с места, но снова остановился, подождал и ушел по коридору. Что ему еще оставалось.

Ольга стояла у запертого окна, втягивала дым и успокаивалась.

Она бросила курить во время беременности, готовая ради здоровья будущего ребенка на все.

Начала снова курить после смерти Ариши. Теперь уже

она курила по пачке, по полторы в день, практически не выпуская сигарету из губ. Докурив до самого фильтра, Ольга небрежно затолкала окурок (все так делали) в кашпо с длинным широколистным фикусом, стоявшее на полу в углу, и пошла к себе.

Андрея там уже не было. Бросив бумаги на стол, Ольга задумчиво огляделась, словно ища что-то, собрала файл-папки в аккуратные стопки, поставила компьютер на спящий режим, и достала из накладного кармана пиджака телефон.

– Алло. Эля, здравствуй. Это я, Ольга. Мне передали, что ты меня ищешь. Да, не раздумала, сама понимаешь...

Она когда-то, еще в прошлой жизни, когда была жива Ариша, попросила знакомую, работающую на НТВ, помочь ей перейти туда. И вот теперь такая возможность есть. Появилось место в отделе Каретника. Работа с подбором информации – ей знакома.

– Я подойду через полчаса. Спасибо.

Она выключила телефон. Все складывалось удачно. Правда она теряла в зарплате, да ей одной много ли надо.

Приведя всё в порядок, она вышла из-за стола, подумала, нужно ли ставить в известность начальство, решила пока этого не делать и пошла из кабинета.

В своей квартире Ольга устало опустилась на маленький стульчик в прихожей. Сегодня у нее был удачный день. Ее взяли на НТВ, будет она работать в одном отделе с Элей

Светличной – все складывалось просто замечательно.

Но как же она устала. Все это время она чувствовала себя так, словно носила на плечах непомерную тяжесть. Она даже стала сутулиться, а возможно и постарела. Это и есть, наверное, старость, когда все пережитое несешь на своих плечах. Фитнес, косметический салон молодят внешность, но тяжесть не снимет никто.

Ольга сидела долго, потом собралась с силами, встала и пошла в ванную. Теперь на воду она смотрела не как на средство личной гигиены, а как на спасение от своих мыслей. Вода, её мерное журчание, сбегаящие по коже струи, волны наполненной ванны – это отвлекало. Так же отвлекало курение: фильтр, сжимаемый зубами и дым в горле. Это всё её немного успокаивало. Лежать в ванне с сигаретой в зубах – так проводят время в раю праведники.

После горячей ванны, полной пены, контрастный душ, а потом огромная кружка горячего черного кофе – и плевать на бессонницу. Для чего-то ведь создан фенотарбидил. А раз так, тогда крепкий горький кофе – это нектар, амброзия и все остальные прелести.

Ольга, проходя мимо детской, остановилась у закрытой двери. Уже месяц она не могла найти в себе силы зайти туда.

Сердце ее гулко стучало в груди, гоня к горлу тугой комок застывшего горя.

Рука сама потянулась к ручке и с силой толкнула.

Залитая электрическим светом, сияющая комната. И за-

пах хвои. Ольга со стучащим сердцем захлопнула на себя дверь, выбежала на балкон и зажала лицо ладонями.

Там сыпал снег. Было тихо, как под ватным одеялом. Ольга стояла в своем зимнем халате, и снег падал на полотенце, закутавшее ее голову тюрбаном.

Зима успокаивает быстро. Она усыпляет горе и радость одинаково и безразлично. Живая плоть берет свое. Наконец замерзнув, Ольга вернулась, проходя мимо телевизора, взяла с тумбочки пульт и, усевшись с ногами на диван, нажала кнопку включения.

Главное, чтобы в квартире что-нибудь шумело. Должны раздаваться звуки, голоса, музыка, все равно.

Ольга поднялась, сварила себе кофе, густой и горький, выпила, сидя в кресле. Потом легла на диван. Встала, сварила себе кофе снова, медленно выпила долгими глотками, сидя с ногами на диване и укутавшись пледом. Потом приняла для верности две таблетки фенobarбитала. И стала шагать через все каналы подряд.

МузТВ, Кинохит, ТВ-новинки и просто кино. Звук человеческих голосов создавал иллюзию общества живых людей. Ольга согласна была на все, лишь бы не оставаться сейчас одной. Только не одна, только не сейчас. Ольга почти засыпала, но вздрагивала и просыпалась снова. Глаза её вновь затуманивались.

Проснулась она при свете торшера. Телевизор все еще работал, на плазменной поверхности его экрана плясали раз-

ноцветные тени. Пульт был зажат в её руке. Переключив телевизор на время, она узнала, что ночь уже наполовину прошла. Приятная новость.

Ольга поднялась, сходила в туалет, там взяла из пепельницы с полки забычкованный окурок, спички и затапулась пару раз, сидя на унитаде, как делала это когда-то в студенческие нищие годы. Потушив дотлевший до фильтра бычок, она вернулась на диван, устроилась там удобнее, пробежалась по каналам, выключила телевизор, устав от него, и разбитая, поплелась в спальню.

Но в постели сон бежал от нее. Стараясь не шевелиться, она думала о приятном: о льющихся струях воды, о морской волне, о бегущем ручье. Ничего не помогало.

Задремав, видела она колеса мчащихся машин, смятый бампер и изуродованный ствол березы.

Проснулась она задолго до будильника, встала разбитая, доплелась до ванны и открыла воду. Пока та набиралась, Ольга закурила и пошла варить себе кофе.

В ванне, лежа в приятной чистой воде, она задремала и проснулась словно от толчка. Она не услышала даже будильник, хотя телефон лежал с ней рядом, на столике. Проспала всё на свете!

Дальше Ольга двигалась, словно в бреду. Торопилась, путалась, вещи просто валялись у неё из рук. Она даже не нервничала – её лихорадило.

Она наклонилась подтянуть колготки, зажала пальцами

теплый капрон. И нечто того же цвета мелькнуло перед глазами.

Ольга вздрогнула и выпрямилась. Потом оглянулась. Сзади никого не было. Естественно, в квартире даже животных не держали.

Сердце Ольги билось, как перед дурнотой.

«Все спокойно, все хорошо», – говорили себе молодая женщина, почти удирая из собственной спальни. Она только проверила, при ней ли телефон, запирая входную дверь. И пока спускалась к лифту, спиной чувствовала что-то страшное, нависшее над ней и преследующее её.

Весь рабочий день она занималась переводом с одного канала на другой. Увольнение, заявление, новое рабочее место. Сотрудники: кого-то она знала и раньше, с кем-то только знакомилась. Она была молода, красива, одевалась со вкусом – её приняли хорошо.

За первые два часа работы она получила три приглашения на ужин, два – на обед и одно – провести вечер по свободной программе.

Ольга вела себя вежливо, твердо и работала, как трудолюбив.

Андрей Гридин забежал было поговорить, но Ольга недвусмысленно указала ему на дверь, чем повысила свой рейтинг до верхней отметки.

Домой она вернулась позже обычного: во-первых, потому

что не торопилась, во-вторых, наводила порядок в документации и удаляла из электронной почты лишнюю информацию.

Она была сытая и хотела только кофе и сигарету на ночь. Но сначала – душ.

Выйдя из ванной и найдя по мобильнику «Маяк», она почувствовала себя свежей. Даже удивительно, если вспомнить все эти бессонные ночи. Время лечит, оно помогает ране на сердце зарубцеваться. Возможно, это и так. Наверное, Ольга выздоравливала.

Она даже стала подпевать, стоя над кофеваркой.

Вот уже кофе готово.

И Ольге захотелось пожевать. Кусочек запеченного в тостере хлеба будет в самый раз.

Сев на кухне к столу, она подумала, взяла свой ужин и перенесла в зал на журнальный столик. Там она отключила радио и включила телевизор.

Поворачиваясь, она заметила что-то, мелькнувшее за ее плечом. Она огляделась, потом вздохнула и села в кресло. Выключив общий свет, она включила бра над столиком, уселась поудобнее и приготовилась смотреть.

Кофе был ароматный и совсем не сладкий, как она любила. Тост поджаренный в меру. Все шло замечательно.

И вдруг в неясном свете бра, подсвеченном цветовыми всполохами с экрана, от подлокотника кресла отделилось

что-то светлое и, мелькнув, исчезло.

Ольга обернулась, склоняясь и вполне допуская, что каким-то чудом в квартиру залетел голубь.

Детская ладошка с широко расставленными пальцами растопырилась перед ней, перед ее глазами, перед лицом...

– А! – Ольга вскочила, опрокидывая кружку, и отскочила на середину ковра. – А! Мама!

Она прижала трясущиеся руки ко рту. Телевизор продолжал орать нечеловеческими голосами. В остальном все было спокойно.

– Кто здесь? Кто?

Ей ответил только телевизор.

– Мама!

В квартире была она одна. Телевизор не способен был отвечать на её вопросы.

Медленно Ольга подступила к креслу и, нажав выключатель, отскочила. Свет загорелся под потолком – сразу все лампочки в люстре – затмевая и бра, и телевизор.

– Кто здесь? Последний раз спрашиваю – кто?

Телевизор говорил, но никто никогда не примет его звук за живой голос.

– Кто?

Ольга успокаивалась, дышала медленнее, истерические нотки исчезли из ее голоса.

Она огляделась уже спокойнее, быстро бросилась на кухню, схватила там чугунную сковородку и вернулась с ней в

зал, держа точно, как телекоп держит свой пистолет. Это у нее получилось безотчетно, само по себе.

– Выходи! Лучше по-доброму – выходи!

Тишина.

Ольга заглянула под кресло, под столик, под второе кресло. Никого.

– Я все равно найду тебя! Где ты?

По всем признакам у нее в квартире находился ребенок.

Она переступила, огляделась, обошла зал. Диван! Она решительно подошла к нему, заглянула за спинку, присела. Рывком поднявшись, подбежала к телефону, и схватив гаджет со столика, включила фонарик.

Под диваном не было ничего, только пыль.

Ольга поднялась, бросила телефон прямо так, со включенным фонариком, на диван и оглядела комнату, соображая.

Спальня! Ага! Ольга, как сумасшедшая, бросилась туда, включила свет, обшарила все так, словно искала закатившуюся заколку. Потом ворвалась в детскую.

– Хи-хи, – услышала она то ли скрип петель, то ли звук ссохшегося линолеума.

Но ей хватило и этого. В безумной горячке она обежала всю комнату. Периметр квадрата. Диагональ. Никого. Господи!

Ольга заметалась. Кухня. Ванная. Туалет. Зал. Лоджия. Снова зал. Никого.

В исступлении Ольга схватила мобильник.

– Алло! Полиция? Скорее. У меня в квартире ребенок. Чужой ребенок. Я не знаю, как он тут появился! Скорее, приезжайте. Я – Лукина. Адрес? Слушайте, диктую.

Ольга бросила телефон в кресло, заметалась опять.

– Мама! Мама! – она ломала пальцы. Сильнее, сильнее. До хруста. Касаясь пальцами запястий. Еще сильнее. – Что же это? Где они? Господи!

Сколько она простояла так, посреди ковра? Долго? Нет?

В дверь позвонили.

И тут до нее дошло. Никакого ребенка нет. Откуда? В подъезде секьюрити, дверь на кодовом электронном замке и на сигнализации. Откуда здесь взяться ребенку? В квартире просто никого нет. Только она.

Ольга застыла в испуге. И второй звонок домофона заставил ее чуть ли не подпрыгнуть.

Ольга бросилась к двери, остановилась, наконец очнулась и нажала кнопку.

– Госпожа Лукина, – проговорил привычный голос охранника. – К вам из милиции. Вы вызывали?

– Да, ах, нет. Да. Я сейчас все объясню. Я ошиблась. Мне приснилось. Мне позвонили и разыграли. Извините пожалуйста. Пожалуйста.

Все-таки она не даром когда-то работала диктором на радио. Голосом она владела.

– Ладно, госпожа Лукина. Только в следующий раз вам придется ответить в административном порядке за ложный

ВЫЗОВ.

– Да, да. Отвечу. Извините.

Ольга поспешно отключила динамик. И схватилась ледяными пальцами за виски. Боже, она сходит с ума. Это настоящее безумие, Господи!

В постель она легла гораздо раньше, чем обычно. Наглоталась снотворного и задремала. И, внезапно вздрогнув, проснулась. Или ей это приснилось, что она проснулась. Она открыла глаза и увидела, как дверь спальни, прикрытая по привычке, открывается.

На пороге, в ночной пижаме, стоит маленькая девочка.

– Ариша! – беззвучно вопит Ольга.

А та бежит к ней, тонко визжа:

– Светит солнышко в окно. В детский сад идти пора!

Она с разбега впрыгивает на кровать с ногами и садится на живот матери. Та чувствует от этого боль и тяжесть.

– А-а-а!!! – Ольга визжит, вскакивает, срывается с места, потом мечется по спальне, по коридору, по лестничной площадке.

– Госпожа Лукина?

Ольга подпрыгивает, кричит и замолкает, глядя безумными глазами на охранника.

– Что-то случилось? У вас такой вид.

– Да нет, да. Я... Я... я забыла... на работе... срочно... может случится пожар.

– Вам вызвать такси?

– Нет, то есть – да, пожалуйста.

Ольга, панически боявшаяся оставаться одна, спустилась за охранником. Там на его столе лежал телефон, подключенный к заряднику. Ольга вцепилась ему в локоть и, только сев в машину, отпустила рукав дешевого пиджака.

– На работу? – спросил тот, желая услужить.

А Ольга даже не замечала, что он сравнительно молод и не дурен собой.

– В Останкино, – повернулся он к водителю.

– Хорошо.

Машина тронулась. Такси по вызову – надежный транспорт. По крайней мере, заказ оформлен и есть гарантия, что вас не завезут на край света, не ограбят и не выбросят умирать с разбитой головой и переломанными костями. Для водителя тоже есть гарантия, что пассажир не убьет его.

Когда машина тронулась – Ольгу бросило в жар: она же в ночной рубашке! Она мгновенно осмотрела себя. Странно, она была одета в плащ и бежевые домашние брюки.

Наверное, не помнила ничего и, даже не переодевшись, легла в постель.

Тут ее осенило.

– Стойте, – крикнула она водителю. – Сверните, пожалуйста, налево.

– Останкино дальше, – бесстрастно ответил тот.

– Там живет моя подруга, сворачивайте.

– Хорошо.

И ночью, перепугав массу людей, она ворвалась в квартиру ошарашенной Эли Светличной в плаще, одетом поверх домашнего джемпера.

– Господи! Миленькая! – воскликнула Эля, пятась от двери. – Да что с тобой? Пожар? Только ничего от меня не скрывай.

– Я устала, Элечка. Я так боюсь. Заплати пожалуйста за такси.

Элеонора внимательно посмотрела на подругу и взяла с полки свой бумажник.

Она, в отличие от Ольги, не была коренной москвичкой, а приехала из Тольятти. И снимала квартиру, очень дорого, но зато близко к работе. Жила она одна, не спеша разделить свой маленький рай с кем-нибудь еще.

Она была отзывчивой или просто скучающей в одиночестве и приняла подругу радушно.

Утром они съездили за необходимыми вещами и главное, за телефоном, тоже оставшимся в квартире.

Но Эля даже не подозревала о истинной причине, заставившей подругу мчаться среди ночи по городу. Она серьезно думала, что тут замешен или бывший муж, или какой-нибудь другой мужчина.

На работу Ольга пришла разбитая, с красными от недосыпания глазами и неряшливым макияжем.

– Что, твой тебя снова клеит? – шепотом спросила ее сотрудница, перегнувшись от соседнего столика. – Они прямо в незнании после развода.

Ольга молча придвинула к себе клавиатуру, включила компьютер и стала задумчиво смотреть на проявившиеся файлы на рабочем столе.

– А скажи ему типа: гуд бай, чилдрен, у меня новый бойфренд.

Ольга, словно замороженная, не реагировала на реплики, и девушке пришлось замолчать и тоже углубиться в работу. В кабинете воцарилась тишина, разбавленная гулом компьютеров и легким шорохом от касания пальцами клавиатуры.

Если на старом месте у Ольги был свой отдельный маленький кабинет, то здесь она сидела в общей комнате с шестью другими операторами. И ей это сейчас даже нравилось – чувствовать себя среди людей.

Компьютер работал, экран монитора светился, послушно выдавая нужную информацию и стирая послания соседей вроде: «не укомплектовано, нет компьютерной кошки».

Забывшись в работе, Ольга считывала последние новости, отбирала и переносила на сайт программы. В самый разгар, когда молодая женщина разместила нужную информацию в отдельный файл, она слегка откинулась на стуле, давая глазам отдохнуть и прикрыла их ладонью. Как там у Бейтса? Надо представить большую черную точку? Идеально черную, какой нет в природе. Тогда глаза по-настоящему расслабля-

ются и отдыхают.

Ольга представляла черную точку добросовестно и долго – целую минуту. Потом открыла глаза и посмотрела на монитор, цепляя боковым зрением какое-то движение за принтером. Приподнимаясь, она похолодела: детская ручонка всплеснула и скрылась, потом из-за стола приподнялась головка со светлыми волосиками, подстриженными в стиле Мирей Матье: маленький паж, любимая стрижка Ольги, хотя сама она предпочитала не выделяться из массы и носить современное «каре».

– Ага, страшно? Ты боишься, мам?

Ольга, словно во сне, смотрела перед собой и глаза ее расширялись все больше.

– Ольга, что с вами?

Голос донесся откуда-то издалека, из другого измерения.

– Госпожа Лукина?

– А-а! – этот вопль Ольга восприняла, как что-то отдельное от нее. – Сердце...

Ольге действительно было плохо. Дышать было нечем, грудь давил невидимый обруч. Гул в ушах складывался в слова с едва уловимым смыслом.

– Может «Скорую»?

– Возьмите валокордин под язык. Вот у меня таблетка.

– Вас что-то напугало?

Ольга окончательно пришла в себя, и говорившие над ней образы стали вполне конкретными людьми

– Нет, вы правы. У меня что-то сердце схватило.

Ольга прижала ладонь к левой стороне груди, но поняла двусмысленность жеста и поспешно убрала руку.

– Идите-ка домой, госпожа Лукина, обратитесь к врачу и хорошенько пролечитесь. В вашем возрасте грешно болеть.

– Это все экология.

– Стрессы.

– Да уж...

– У нее...

Ольга стала собираться. Она была рада уйти, почти что бежала. Но дома... дома было то же самое.

Мысль о том, что она сходит с ума, сдавила ей грудь новым сердечным приступом.

Когда Ольга Лукина стояла на остановке, ожидая автобус или «маршрутку», из сумочки послышался знакомый рингтон. Легкая, как порыв ветерка, китайская мелодия предназначалась для близких и друзей.

– Да, – Ольга поднесла к уху телефон. – Здравствуй.

Голос бывшего мужа не обрадовал ее. Да и могло ли сейчас что-нибудь обрадовать ее.

– Нет, немножко, – начала она, отвечая. – Тебе сказали? Хорошо, я обращусь. У тебя все? Извини, мой автобус.

Она соврала, обреченно отключила свой телефон и спрятала в сумочку.

Дома и на работе – все одно и то же. Этот кошмар повто-

рется, он сидит в ней самой, где бы она не находилась. Можно было бы, конечно, пригласить к себе пожить подругу. Или обратиться к психологу. Или...

Она раздумывала, сидя в «Газеле» и отрешенно глядя в окно, раздумывала, входя в подъезд, поднимаясь по лестнице.

– Оленька, здравствуйте, – соседка, женщина лет пятидесяти, шла навстречу, спускаясь от лифта. – Как вы?

– Спасибо, ничего, – Ольга попыталась обойти ее.

– Как же, как же... Какое горе... – соседка была домохозяйкой и скучала от полного безделья. – А вы не приболели?

– Что, я плохо выгляжу?

– Нет, что вы. Молодость, это время, когда такой вопрос не должен волновать. Просто, сейчас время рабочее, а вы идете домой.

– Я... я забыла... дома... документы.

Ну почему она оправдывается перед этой практически незнакомой женщиной.

– Скажите, Оленька, мне право, неудобно, но мы с супругом слышали ночью как вы кричали. Здесь же звукоизоляции никакой.

– Я... то есть мне...

– Приснился кошмар? Понимаю. Ох, как я вас понимаю. Что-то связанное с катастрофой?

– Да. Верно.

– Дочка?

– Да.

Ольга опустила голову. Навязчивая соседка в одном оказалась права. Ей нужно было с кем-то поделиться.

– А вы бы сходили к Знахарке. Да, правильно, сходите, она гадает, вызывает духов, предсказывает.

– А кто она?

– Как, вы не в курсе? Да ее рекламу давали даже по местному каналу, – соседка взяла Ольгу под руку. – Зайдемте сейчас ко мне. Кофе сварим, поворкуем часок. Идемте, у меня как раз безе еще осталось со вчерашнего суаре.

Они были едва знакомы. Ольга находилась в таком состоянии, что едва воспринимала действительность. И то ее корябнула последняя фраза, граничащая с неприличием или даже с откровенным хамством.

Но она послушно пошла за соседкой, терпеливо ждала, пока та отпирает дверь.

– Проходите, проходите, дорогая... Оставьте обувь здесь. У нас все застелено. Располагайтесь, я сейчас поставлю чай. Он закипит за минуту. У нас не «Тефаль». Мой муж привез из Финляндии. Сделанному в Азии он не доверяет, – говоря это, женщина раздевалась. Была она высокого роста и полная, носила все яркое и пышное. Казалось, она заполняет собой все пространство. – Вот, дорогуша, пирожные. Они немного осыпались и подсохли. Зато, когда свежие, это упоение. Вы же любите безе, правда?

Ольга молчала, сидя в кресле с сумочкой на коленях.

– А вы сумочку положите на бюро. Мой муж увлекается стариной. Это тоже прикольно, правда?

Ольга кивнула, убрала сумочку и взглянула на хозяйку. Никогда раньше она не стала бы сближаться с подобной дамой.

Когда на журнальный столик было выставлено все для чая и опись обстановки завершилась, хозяйка устало втиснулась в кресло и вздохнула.

– Так, о чем мы с вами говорили, милочка?

«О тысяче вещей», – хотелось сказать Ольге, но – в который раз она промолчала.

– Ах, да. О Знахарке. Кто-то считает ее даже ведьмой, представьте. Я же приняла ее сперва просто за ведунью. Были в старину такие люди, ведуны, мне муж рассказывал. Вы, кстати, не торопитесь на работу?

– Нет.

– Так вот. У нее офис на Бажова. Хотите поехать прямо сейчас?

– Нет, что вы. Я должна подумать.

– А что думать? Если не верите в сверхъестественное, поверьте в простой психотренинг. Хотя, кто сейчас верит в психотренинг. Бог есть, это доказано научно. А теория Дарвина – это сплошной бред мазохиста.

– Я подумаю.

– Да думайте себе. Я же не тяну вас на веревке. Вы пейте, пейте ваш чай. Не выливать же мне его в раковину.

Ольга послушно и молча допила залпом и поднялась.

– Как, уже уходите? Так быстро? Давайте, я вам пирожное заверну с собой.

– Нет, спасибо, не стоит, я не домой.

– На работу?

– Да.

– Тогда запишите адрес. Хотя, лучше я вам дам ее визитку. Сейчас, она у меня была где-то тут, под руками. Подождите минутку.

Женщина, наверное, искренне хотела помочь. А скорее всего, просто спасалась от одиночества и скуки. И она металась по квартире в поисках крохотной бумажки, не нужной им обеим.

Ольга взяла свою сумочку с какого-то не виданного раньше чуда дизайнерского искусства. И старалась не смотреть на остальные «приколы», которыми была заставлена вся квартира.

Визитная карточка так и не нашлась. И в итоге хозяйка квартиры по памяти продиктовала адрес знахарки, который Ольга прилежно занесла в память своего телефона, говоря при этом: «Все ясно, спасибо, я поняла».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.